

ставляют собой тип социальной практики, все шире распространяющийся среди пользователей и направленный на удовлетворение различных потребностей. В связи с этим исследование такого типа взаимодействия – актуальная задача социологии.

Литература

1. Рынок социальных игр. URL: <http://corp.mail.ru/ru/press/releases/9149/>
2. SCVNGR's Secret Game Mechanics Playdeck. URL: <http://techcrunch.com/2010/08/25/scvngr-game-mechanics/>
3. The Russian Games Market. URL: <http://www.newzoo.com/infographics/russia-is-the-number-one-pc-gaming-country-in-the-world/>
4. Сергодеева Е. А. Подозрение как феномен современной культуры // Философские науки. 2013. № 6. С. 41–49.

УДК 316.74

Сергодеева Елена Александровна

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье выявляются социально-коммуникативные основания современного научного творчества. Обосновывается тезис о том, что социологические представления о научных коммуникациях позволяют переосмыслить традиционные эпистемологические представления о научной субъективности посредством использования понятий «коллективный субъект» и «мыслительный коллектив».

Ключевые слова: научные коммуникации, институционализация науки, коллективный субъект, мыслительный коллектив.

Sergodeeva Elena A.

SOCIO-COMMUNICATIVE NATURE OF SCIENTIFIC ACTIVITY

The item shows socio-communicative basics of the modern scientific activity. There is proof offered to the idea that sociological views on scientific communications allow rethinking the traditional epistemological ideas regarding scientific subjectivity through employing the terms COLLECTIVE SUBJECT and THINKING COLLECTIVE.

Key words: scientific communications, institutionalization of science, collective subject, thinking collective.

Социально-коммуникативные аспекты научного творчества выступают в качестве проблемы в исследованиях по истории, социологии и философии науки с середины прошлого века. Это обусловлено не только интенсификацией научных взаимодействий и развитием интеллектуальных технологий, но и актуализацией изучения влияния социальных факторов, медиатором которых и являются коммуникации, на внутренние эпистемологические характеристики научного знания.

Специфика научной коммуникации связана с особенностями самой научной деятельности. С одной стороны, она, как любая другая деятельность, имеющая важное общественное значение, предполагает особую организацию и институционализацию, предусматривающую наличие статусно-ролевых структур, нормативно-ценностных систем, традиций и своеобразного образа жизни. С другой стороны, на эти типичные характеристики институционализированной деятельности накла-

дывает отпечаток когнитивный статус науки, нацеленной на постоянное производство новых истинных знаний. Благодаря этому когнитивные и социальные аспекты научного творчества оказываются взаимосвязанными, и даже более того – взаимообусловленными.

В частности, институционализация науки, начинающаяся в XVIII столетии, была детерминирована не только внешним социальным запросом, но и изменениями внутри самого научного знания. По сути, можно сказать, что социальной институционализации науки, идущей по пути формирования научных сообществ и организаций, предшествует ее когнитивная институционализация, предполагающая выработку общих представлений о специфике и критериях научно-познавательной деятельности, ее методическом инструментарии и культурно-этической составляющей. Увеличение объема и разнообразия научных знаний, углубляющаяся дифференциация видов исследовательской деятельности сделала невозможным существование ученого в прежнем качестве – философа-энциклопедиста. Появляется ученый-исследователь, специализирующийся в определенной сфере знания. Углубление специализации научной деятельности ведет к образованию национальных дисциплинарно ориентированных сообществ. Т. Парсонс и П. Сторер подчеркивают, что «деление науки на дисциплины, каждая из которых занимается определенной областью знания, возможно, обусловливается как потребностями социальной организации, так и интеллектуальной точностью разделения знания на отдельные части... Пусть в формальном разделении знаний на крупные области и составляющие их дисциплины есть много искусственного, все же эти организационные меры существенно облегчают коммуникацию между учеными, имеющими общие интересы, и направляют коллективные усилия на решение важных интеллектуальных проблем» [1, с. 40–41].

В 1960-е годы Р. Мертоном было введено понятие научного сообщества, уточненное и дополненное в дальнейшем в трудах Т. Куна, Т. Парсонса, Н. Сторера. Это приводит к пересмотру понятия субъекта науки как автономного от мира, что характерно для концепции трансцендентальной субъективности. В силу этого реформирование традиционной эпистемологии происходит посредством объединения гносеологических и социологических концептуальных схем.

Анализ социальных практик научного сообщества позволил обнаружить значение внешних социальных факторов в конструировании «реальности», исследуемой учеными и в построении научного текста. Научная коммуникация протекающая в особых когнитивных условиях, порождает научный дискурс, который, в свою очередь, продуцирует особое видение реальности, обусловленное категориальными схемами языка науки. В рамках семантических и прагматических структур этого языка формируется характерный для него способ коммуникативного действия, который М. Фуко называет «порядок дискурса». Этот порядок отражает (в терминах Фуко) определенную «эпистемическую ситуацию», то есть специфичные социально-культурные и познавательные установки участников научной коммуникации. Несмотря на специфичность этих установок – принципиальную ориентированность на получение нового знания и формирование в рамках научных парадигм, – они подчиняются общесоциологическим законам социальных взаимодействий.

Научное знание оказывается социально обусловленным феноменом, поэтому историю науки можно рассматривать как историю социальных взаимодействий групп (Р. Коллинз), а научную дисциплину как аутопоэтическую систему, сформированную благодаря коммуникациям (Р. Штихвей). Своеобразным подтверждением этому служат исследования по этнографии науки Бруно Латура, который на протяжении двух лет жил повседневной жизнью сотрудников лаборатории нейроэндокринологии под руководством профессора Роджера Гиллемина в Калифорнии. На основе этнографического изучения жизни лаборатории он в соавторстве с английским социологом Стивом Вулгаром в 1979 г. написал работу «Лабораторная жизнь: социальное конструирование научных фактов». Авторы обосновывают тезис о том, что именно в рамках лаборатории когнитивная деятельность ученого получает социальную направленность. В качестве исходной методологической посылки принимается положение о том, что научное понимание и осмысление неявно задается коммуникативным контекстом научного коллектива. Этнографы науки утверждают, что сущность теоретических представлений участников лабораторных исследований зависит от содержания их коммуникаций и ее социально-культурных контекстов коммуникации [2].

Вулгар и Латур обращают внимание на ряд особенностей функционирования научной лаборатории.

1. Лаборатории являются искусственными образованиями и соответственно реальность, изучаемая в них, тоже носит искусственный характер. В подтверждение этого Латур приводит пример из истории науки. Пастер, пытаясь определить причины падежа скота, смоделировал искусственную ситуацию заражения в лаборатории. Это позволило ему получить в условиях лаборатории чистую культуру сибирской язвы, которая естественно представляла собой полностью искусственный объект. На основе этой культуры Пастером была создана вакцина, тестирование которой также осуществлялось на специально созданной ферме с искусственными условиями.

2. Люди, работающие в лабораториях, зачастую не озабочены проблемами истинности результатов, мотивы их деятельности далеки от идеальных мотивов естествоиспытателей, они носят скорее инструментальный характер – желание проверить эффективность нового прибора, его работу с новыми реактивами и т. д. В этом смысле можно согласиться с точкой зрения А. А. Лежебокова относительно того, что «...через полезность инициируется деятельность социальных субъектов» [3, с. 112].

3. Процесс оформления результатов также не «свободен» от внешних по отношению к самой научной деятельности факторов, таких как личные предпочтения исследователей, их экономические и карьерные интересы и т. д.

По мнению Вулгара и Латура, научная деятельность в связи с этим может рассматриваться как последовательность операций по преобразованию одних типов высказываний в другие с различными степенями достоверности. Таким образом, научное познание, с одной стороны, представляет собой конструкторский процесс, а с другой – является процессом обсуждения результатов, детерминированным контекстом взаимоотношений на уровне сообщества. Научные теории понимаются как своеобразные «социальные институты», отражающие процесс коллективного производства знаний и конституирующие определенный социальный порядок внутри научного сообщества. Тем самым программа «лабораторной жизни» отказывается от ключевых для традиционной философии науки демаркации, рациональности, истинности, объективности. В научной лаборатории реальность не столько изучается, сколько конструируется, что приводит к множеству локальных историко-научных ситуаций, не укладывающихся в единый историко-научный процесс.

Данные исследования развиваются в русле эпистемологического конструктивизма, основной постулат которого заключается в том, что знание – это система конструкций, продуцируемых субъектом научного творчества. Здесь актуализируется проблематика социокультурных и дискурсивно-коммуникативных аспектов научной деятельности. Эта парадигма, преодолевающая субъект-объектное противопоставление, не только по-новому трактует объект (в качестве результата интеллектуальной активности), но и пересматривает содержание субъектности, то есть создает новую онтологию субъекта познания. Она ориентирована на формирование видения познавательной деятельности как области коммуникативного смыслозидующего взаимодействия ее участников.

Рассмотрение коммуникативной природы научного знания позволяет переосмыслить традиционные эпистемологические представления о субъективности посредством использования понятия «коллективного субъекта». Традиционное отношение субъект-объект заменяется связью «субъект – мыслительный коллектив – объект». Мыслительный коллектив возникает как следствие принятия единых целей и методов (парадигмы, стиля мышления). При этом единство обеспечивается не абстрактной структурой трансцендентального субъекта, а конкретными историческими и культурными обстоятельствами. Понятие коллективного субъекта соединяет в себе некоторые черты трансцендентального и эмпирического субъектов. Благодаря ему классические категории эпистемологии получают новое содержание. Объективность связывается с проблемой конструируемости знания, а проблема априорных предпосылок принимает форму проблемы коллективных форм познания. В этом смысле конфликты между объективизмом и релятивизмом интерпретируются в духе принципа дополнительности.

Понятие мыслительного коллектива дает возможность учитывать социальную нагруженность научного знания. Социокультурные, традиционные и лингвистические факторы формирования мыслительных коллективов предстают в этой связи как эпистемологически значимые предпосылки процесса познания. Как пишет Ф. Коркюф: «Факт – это высказывание, которое более не оспаривается друзьями-конкурентами. В более широком смысле исторический генезис факта отмечен научными разногласиями, различными стратегиями, публикациями, включающими риторические формы убеждения, связи, установленные с финансирующими организациями, а также логикой профессиональной карьеры в том виде, в котором она складывается в повседневной деятельности лаборатории, например в ходе неформальных разговоров. Таким образом, конструирование научного факта связано не только с интеллектуальным трудом и дискурсом, оно приводит в действие целый ансамбль практик, равно как и объектов, которые являются материализациями предшествующих дебатов» [4, с. 40]. С ним согласен и Р. Коллинз: «Идеи вовсе не похожи на вещи, покуда мы не представим их в символах, написанных на каком-то материале, например, на бумаге; прежде всего они являются обобщением (коммуникацией), что означает взаимодействие между людьми, обладающими телесностью» [5, с. 46].

Таким образом, эпистемологическая значимость научных коммуникаций заключается в возможности переосмысления традиционной для классической теории познания оппозиции объекта и субъекта и нахождения методологических оснований для постижения социальной обусловленности научно-познавательной проблематики.

Литература

1. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 27–55.
2. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 211–242
3. Лежебоков А. А. Социокультурный статус местного самоуправления в структуре гражданского общества // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 4. С. 110–113.
4. Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2002. 172 с.
5. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.